

Мас. 1024₁

А.П.ЧЕХОВ - ТАЛАНТ МЕРТВОЙ ПОЛОСЫ

Бывают таланты двоякого рода - действенные и созерцательные. Первые задают тон жизни, так или иначе руководят ею, создают направления в литературе, вызывают последователей и подражателей. Они ищут новых путей, если жизнь вдруг замкнулась, ушла в глубь, в которую они вдумываются и проникают. Если их даже захватит мертвая полоса общественной жизни, когда над всеми преобладает сумеречное настроение и ни одного яркого пятна не выделяется на общей серой картине, - действенные таланты сами выступают особенно ярко и внушительно, неотразимо привлекая к себе все сердца, как одинокие яркие светочи, разгоняющие тьму и ободрительно действующие на усталых, потерявших надежду путников.

Но есть таланты и иного рода, пожалуй, не уступающие по внешней силе и блеску, только какие-то мертвые. В них нет творческого начала, которое в себе самом находит источник жизни и делится им с окружающими. Таланты такого рода, как превосходно отшлифованные зеркала, великолепно отражают жизнь, но лишь в одной плоскости. Луч света, упавший на такое зеркало, отразится правильным и ослепительным пучком, так что глазам больно. Только в нем нет игры, разнообразия, - он одноцветен, и при самых различных положениях остается все тот же.

Талант г-на Чехова до известной степени напоминает нам такое же зеркало, в котором с удивительной правдой отразилась преобладающая сторона общественной жизни последних годов. Сумеречное, хмурое настроение этой жизни нашло в нем лучшего своего выразителя. Как художник, г. Чехов несравненно умеет живописать все, что видит, и эта его особенность, подкупающе действующая еще в ранних его произведениях, как "Пестрые рассказы", остается неизменной. Но он напоминает близорукого художника, который не может охватить всей картины, и потому центра в ней нет, перспектива не верна, и в общем, при всей сложности, его большие произведения всегда страдают однообразием. Масса деталей, превосходно выписанных и нет чего-то объединяющего, что придавало бы всему определенность и ясность. Очень характерной в этом отношении является его "Степь", первое большое произведение, с которым выступил г. Чехов после ряда превосходных миниатюр. "Степь", в сущности, не что иное, как ряд таких же отдельных маленьких картинок, своего рода шедевров по яркости красок и тщательности отделки, но все они не слагаются в одно стройное целое, которое художник осмыслил бы идеей, обобщил, представил бы зрителю под определенным углом зрения. Читая подряд произведения г. Чехова, выносишь такое впечатление, что для автора вся жизнь представляется какой-то степью, в которой живут люди без цели, без желаний, без страстей. На всем лежит отпечаток великой тоски существования, не согретого ни любовью, ни ненавистью, не возбужденного борьбой, хотя бы и ничтожной по существу. Тоска и усталость томят его виднейших

героев, как, например, старого знаменитого ученого профессора, или его Иванова /в драме того же названия/. К полному собранию своих произведений г. Чехов мог бы взять эпиграфом безотрадное четверостишие Пушкина:

Цели нет передо мною,
Пусто сердце, празден ум.
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Это не та "великая грусть", на которую иностранная критика указывает, как на отличительную черту в душе русских писателей. А именно тоска жизни, *taedium vitae* римлян времен империи, потерявших смысл существования.

Преобладавшее в 80-тые годы унылое настроение отравило г. Чехова, который не совладал с ним, отдался ему всецело во власть и замер в нем. В самых последних его произведениях это настроение, повидимому, даже усилилось. Его "Печенег", рассказ, появившийся в одном из октябрьских номеров "Рус. Вестомостей", производит впечатление безысходного мрака. Герой рассказа, уезжая со станции, где в ожидании лошадей его удручали и хозяин, и его жена, и вся окружающая обстановка, бросает им на прощание: "Вы все мне надоели". Этот небольшой, превосходно написанный очерк, производит впечатление именно такого вырвавшегося из души вопля замученного жизнью человека, которого ничто-ничто уже не может заинтересовать, увлечь, возбудить. Всё и все надоели своей мелочностью, низостью, бессознательной жестокостью и, главное, ненужностью своего существования.

То же самое, хоть не столь сконцентрированное, чувствуется в большой повести "Моя жизнь", рассказ провинциала.

жиками“, и критики, накинущіеся на Чехова за сугубо-мрачный взглядъ его на деревню, могутъ утѣшиться, такъ какъ взгляды автора на городъ, выраженные въ „Моей жизни“, еще безотраднѣе. Въ деревнѣ Чеховъ указалъ на ея некультурность, невѣжество, дикость нравовъ, но ни однимъ словомъ не попрекнулъ мужиковъ, что они заѣдаютъ чужую жизнь, высасываютъ соки у другихъ. Не то въ городѣ, какъ онъ представляется его герою, молодому человѣку, одному изъ тѣхъ неудачниковъ, которыхъ такъ много можно встрѣтить въ любомъ провинціальномъ городкѣ. Его образованіе жалкое, обрывочное. Систематическаго курса онъ не могъ одолѣть, такъ какъ всѣмъ существомъ понималъ ненужность, непригодность мертвящей схоластики, составляющей понынѣ суть нашей средней школы. Канцелярская работа, къ которой его принуждаютъ ради добыванія куска хлѣба, еще болѣе противна, такъ какъ ея бессмысленная сторона только и открыта ему. „Въ гимназіи у меня было непобѣдимое отвращеніе къ греческому языку, такъ что меня должны были взять изъ четвертаго класса. Долго ходили репетиторы и приготавливали въ пятый классъ, потомъ я служилъ по различнымъ вѣдомствамъ, проводя большую часть дня совершенно праздно, и мнѣ говорили, что это — умственный трудъ; моя дѣятельность въ сферѣ учебной и служебной не требовала ни напряженія ума, ни таланта, ни личныхъ способностей, ни творческаго подъема духа: она была машиной“. Оглядываясь на жизнь другихъ, онъ видитъ ту же машинную работу съ нехорошей подкладкой эксплуатаціи чужого труда. „Я не любилъ и не понималъ этихъ людей“, говоритъ онъ. Они были ему скучны, чужды и даже гадки.

„Я не понималъ, для чего ^у лохмотьями.“

Такова внешность „города“, и приходится признать, что в ней собрано много верных чѣрточек, хорошо знакомыхъ всякому, кому случалось подолгу жить в провинции. Огромное большинство русскихъ городовъ возникло и существуетъ неизвестно какъ и неизвестно для чего. Когда-то просто административные центры, они и теперь держатся только этимъ, жизнь обходитъ ихъ, выбирая русло для себя по условиямъ, ничего общаго не имеющимъ с административными требованиями. Внешняя культура этихъ городовъ только жалкій покровъ, под которымъ скрыта примитивность нравовъ русскаго городского обывателя, разве на одну ступень стоящаго выше мужика. Не лучше дело обсто-

ить и съ сущностью этой жизни, как её рисует герой, устами которого, очевидно, говорит автор.

"Во всём городе я не знал ни одного честного человека ~~ср~~ ^{ср}мещанского существования."

И опять верная, старая знакомая картина, которую мы столько раз уже видели въ произведениях лучших писателей. Мрачное, унылое настроение автора находит себе богатую пищу в городе, как нашло её в деревне. Народникам нечего жаловаться на односторонности г. Чехова, который не щадит города, но, как увидим дальше, также бежит из города, где не видит ничего, что примирило бы его с ним, дало надежду на возможность лучшей жизни, лучшей жизни, лучшей будущности для этих тысяч ничтожеств, скопившихся на восьми улицах, "теряющихся за холмом."

Герой рассказа бросает "интеллигентную" жизнь, т.-е. отказывается праздно сидеть въ канцеляріяхъ и этимъ путемъ добывать хлѣбъ. А "хлѣбъ" въ его жизни, какъ и въ жизни остальныхъ, лишенныхъ капитала и взятокъ, играетъ первое мѣсто. Около него, по наивному признанію героя, сосредоточиваются всѣ его мечты. Онъ постоянно чувствуетъ себя недостаточно сытымъ. Его постоянно тяготитъ физическое ощущеніе голода, что сближаетъ его съ массою людей, которая "работаетъ только для куска хлѣба и можетъ говорить только о харчахъ". Рассказчикъ становится маляромъ, благодаря знакомству съ мастеровымъ Рѣдькой, который фигурируетъ въ повѣсти, какъ представитель физическаго труда. И здѣсь мрачный тонъ рассказа не мѣняется. Тоска автора скорѣе усиливается, когда онъ разсматриваетъ этого тщедушнаго труженика, жалкаго, вѣчно больного, съ порывами къ лучшей жизни, выразившимися въ комичной философіи, что "тля ѣстъ траву, ржа ѣстъ желѣзо, а лжа — душу". Въ немъ копошатся бессознательные инстинкты, которые не находятъ исхода. Онъ въ сущности своего рода художникъ и философъ. Любитъ театръ, для котораго расписываетъ декорации, любитъ размышленія о бренности жизни, иногда раздражается глубокомысленными замѣчаніями въ родѣ слѣдующаго: "Я такъ понимаю, ежели какой простой человекъ или господинъ беретъ даже самый малый процентъ, тотъ уже есть злодѣй. Въ такомъ человѣкѣ не можетъ правда существовать".

Въ обществѣ Рѣдьки и его мастеровъ герой лучше себя чувствуетъ, не видя, по крайней мѣрѣ, праздной жизни, взятокъ, пофданія другихъ для собственнаго существованія. "Я жилъ теперь среди людей, для которыхъ трудъ былъ обязателенъ и неизбеженъ и которые работали, какъ ло-

6
вья лошади, часто не сознавая нравственнаго значенія труда и даже никогда не употребляя въ разговорѣ самаго слова трудъ. Около нихъ и я тоже чувствовалъ себя ломовикомъ, все болѣе проникаясь обязанностью того, что я дѣлалъ, это облегчало мнѣ жизнь, избавляя отъ всякихъ сомнѣній.

Въ первое время все занимало меня, все было ново, точно я вновь родился. Я могъ спать на землѣ, могъ ходить босикомъ, а это чрезвычайно пріятно; могъ стоять въ толпѣ простого народа, никого не стѣсняя, и когда на улицѣ падала извозчичья лошадь, то я бѣжалъ и помогалъ поднять ее, не боясь запачкать свое платье. А, главное, я жилъ на свой собственный счетъ и никому не былъ въ тягость. Но тутъ и все удовлетворенье, которое онъ получаетъ отъ подобной жизни. Въ своихъ товарищахъ онъ замѣчаетъ и ложь, и надувательство заказчиковъ, и кражу матеріаловъ, и застенную злобу ко всѣмъ, кто лучше живетъ. Поражаетъ его также бессмысленная злость окружающихъ, которые никакъ не могутъ примириться съ мыслью, что человѣкъ ушелъ отъ сравнительно праздно и обезпеченной жизни въ простые рабочіе, опустился, по ихъ мнѣнію. Очень комичное впечатлѣніе производитъ сцена съ губернаторомъ, который по просьбѣ отца героя уговариваетъ его бросить „предосудительный образъ жизни“. Въ спорахъ съ пріателемъ-докторомъ, который на глазахъ опростившагося героя ухаживаетъ за его сестрой и соблазняетъ ее въ концѣ-концовъ, выясняется основной мотивъ жизни героя, вначалѣ неясный для него самого.

Здѣсь опять слышится голосъ автора, который говоритъ за героя, потому что мысли, излагаемыя послѣднимъ, какъ-то плохо вяжутся съ его общей смутной и неясной фигурой. „Нужно, — говоритъ онъ, — чтобы сильные не поработали слабыхъ, чтобы меньшинство не было для большинства паразитомъ или насосомъ, высасывающимъ изъ него хронически лучшіе соки, т.-е. нужно, чтобы всѣ, безъ исключенія — и сильные, и слабые, богатые, и бѣдные, равномерно участвовали въ борьбѣ за существованіе, каждый самъ за себя, а въ этомъ отношеніи нѣтъ лучшаго нивеллирующаго средства, какъ физическій трудъ, въ качествѣ общей, для всѣхъ обязательной повинности“. Послѣдняя фраза какъ бы взята у Беллами, а общая постановка вопроса напоминаетъ толстовскія доктрины. Но мы жестоко разочаровались бы, если бы причислили Чехова къ сонму проповѣдниковъ опрощенія. Скорѣе, напротивъ, вся повѣсть является, какъ бы доказательствомъ непригодности этой философіи къ жизни. Печальный тонъ разсказа все усиливается, переходя къ концу

въ мрачный. Полная безнадежность, ничего, кромѣ жалкаго существованія ради „хлѣба“. Дѣвушка, которая, увлекшись оригинальной жизнью героя-маляра, становится его женой, уходитъ отъ него, справедливо негодуя на такое почти животное существованіе. Счастье его сестры, которую онъ не сумѣлъ и не могъ поддержать во время, разбито. Она, какъ и онъ, уходитъ изъ этого „города“, въ которомъ ложь и взаимная ненависть служатъ единственными связующими узами. Последняя картина, когда братъ и сестра уходятъ ночью изъ „интеллигентнаго“ общества на окраину города, гдѣ ютится герой, наводитъ удручающую тоску.

Мас.

Гдѣ же выходъ? Куда же итти бѣдному изможденному герою? Авторъ не даетъ отвѣта, оставляя героя въ средѣ маляровъ, гдѣ онъ находитъ одно утѣшеніе, что онъ никому не въ тягость, не высасываетъ, не заѣдаетъ чужую жизнь. Плохое утѣшеніе, отъ котораго отвернулась его жена. „Мы много работали, — говоритъ она, — много думали, мы стали лучше отъ этого, — честь намъ и слава, — мы преуспѣли въ личномъ совершенствѣ; но эти наши успѣхи имѣли ли замѣтное вліяніе на окружающую жизнь, принесли ли пользу хоть кому-нибудь? Нѣтъ. Невѣжество, физическая грязь, пьянство, поразительно высокая дѣтская смертность, — все осталось, какъ и было, и оттого, что ты пахалъ и сѣялъ, а я тратила деньги и читала книжки, никому не стало лучше. Очевидно, мы работали только для себя и широко мыслили только для себя“. И герой ничего не находитъ въ отвѣтъ, ничѣмъ не въ силахъ удержать страстно и нѣжно любимую женщину. Онъ чувствуетъ, что съ ней уходитъ изъ его жизни свѣтъ и тепло, что впереди все сведется только къ добыванію хлѣба, къ жалкому прозябанію, на манеръ его пріятеля Рѣдки съ его примитивной философійей. Авторъ оставляетъ его примирившимся съ жизнью, но читатель разстается неудовлетвореннымъ, подъ смутнымъ, впечатлѣніемъ, что и эта „Моя жизнь“ такая же ненужная, безцѣльная, какъ и жизнь тѣхъ шестидесяти тысячъ, отъ которыхъ герой хотѣлъ уйти и все-таки не ушелъ, потому что безъ нихъ и его малярный трудъ потерялъ бы всякое значеніе.

Какъ и всѣ большія вещи Чехова, „Моя жизнь“ не даетъ цѣльной картины, а рядъ прекрасно выписанныхъ отдѣльныхъ моментовъ. Лучше всего выходятъ у автора не главные лица, а тѣ, которыхъ онъ затрагиваетъ мимоходомъ, какъ напр., мельникъ въ деревнѣ, гдѣ герой проводитъ лѣто съ женою, Рѣдка, инженеръ, отецъ жены, и другіе. Нѣкоторыя картины природы удивительно живы, захватываютъ своей яркостью. но къ нимъ мы уже привыкли у такого мастера вѣшной живописи, какъ Чеховъ, и не на нихъ, конечно, сосредоточивается вниманіе. Въ общемъ „Моя жизнь“ — произведеніе, любопытное лишь какъ попытка въ художественной формѣ рѣшить одинъ изъ жгучихъ вопросовъ. Попытка неудачна, потому что авторъ самъ не вѣритъ въ исключительную правду физическаго труда. Къ тому же, Чеховъ слишкомъ художникъ, чтобы быть проповѣдникомъ, и не можетъ, если бы даже хотѣлъ, „сочинять“ то, чего жизнь ему не дала и не даетъ.

А. Б.